

РАБОЧАЯ СИЛА НА ПОСЕССИОННОЙ МАНУФАКТУРЕ ГОНЧАРОВЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Е. И. РУБИНШТЕЙН

Вопрос о социально-экономической сущности посессионной мануфактуры — одна из актуальных проблем современной советской исторической науки. Оживленная дискуссия последних лет¹ не привела пока к единству мнений в решении этого вопроса. Некоторые участники дискуссии (акад. С. Г. Струмилин, К. Н. Новицкий, Ф. Я. Полянский) считают строй производства посессионной мануфактуры в основе капиталистическим, другие (Э. С. Виленская, Н. И. Павленко, И. В. Кузнецов, А. М. Карпачев) — феодальным, третьи (например, Б. Н. Васильев) — особым, оригинальным.

В связи с этим в ходе дискуссии была отмечена необходимость дополнительных конкретных исследований, в частности по истории отдельных мануфактур. При этом на первое место выдвигался вопрос о рабочей силе, о характере ее эксплуатации.

В. И. Ленин противопоставлял помещичьи суконные заведения России до 1860 гг. включительно — капиталистическим, поскольку они были основаны на труде крепостных или временно обязанных крестьян². Рабочие этих заведений, — писал В. И. Ленин, — «вовсе не были фабричными рабочими в точном значении этого термина; это были зависимые крестьяне, работавшие на помещиков»³. Следовательно, решающим при определении строя производства является, по мысли В. И. Ленина, характер рабочей силы.

В вопросе о рабочей силе посессионных мануфактур даже в новейшей литературе имеются неисследованные моменты. Так, в монографиях о промышленности XVIII в. (Е. И. Заозерской, Б. Б. Кафенгауз, Н. И. Павленко, С. Г. Струмилиной) при анализе разделения труда все внимание обращено на выяснение степени дифференциации работ и не исследуется вопрос об устойчивости занятий самого рабочего. Тем более не освещается этот вопрос в общих проблемных статьях (Э. С. Виленский, Б. Н. Васильева, Ф. Я. Полянского, И. В. Кузнецова)⁴. Между тем освещение этой стороны вопроса позволит более полно вскрыть характер рабочей силы на посессионной мануфактуре и тем самым поможет разрешению спорной проблемы о ее строе.

¹ См. Э. С. Виленская. О характере русской посессионной мануфактуры. «Вопросы истории», 1954, № 2; Б. Н. Васильев. Об экономической природе посессионных мануфактур. «Вопросы истории», 1955, № 7; Ф. Я. Полянский. Экономический строй мануфактуры в России XVIII века. «Вопросы истории», 1956, № 6; его же. Экономический строй мануфактуры в России, М., 1956; Доклад М. В. Нечкиной «О двух стадиях развития феодальной формации», М., 1954, Стенограмма обсуждения в Институте истории АН СССР. Отчет о ходе обсуждения. «Вопросы истории», 1955, № 3; И. В. Кузнецов. К вопросу о характере дореформенной мануфактуры в России. «Вопросы истории», 1956, № 10; А. М. Карпачев. О социально-экономической сущности вотчинной мануфактуры. «Вопросы истории», 1957, № 8.

² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 410.

³ Там же, стр. 411.

⁴ См. Е. И. Заозерская. Легкая промышленность Москвы в первой четверти XVIII в., М., 1953; Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII, первой половине XIX в., М., 1949; С. Г. Струмилин. История черной металлургии СССР, М., 1954; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в., М., 1953; Э. С. Виленская. Указ. ст., стр. 82—107; Б. Н. Васильев. Указ. ст., стр. 85—91; Ф. Я. Полянский. Указ. ст. стр. 74—87.

Цель настоящей статьи — исследовать характер рабочей силы на мануфактуре Гончаровых во второй половине XVIII столетия⁵, и на этом основании определить социально-экономическую сущность крупнейшего в стране посессионного предприятия (в середине XVIII в. мануфактура Гончаровых вырабатывала $\frac{1}{4}$ общероссийского производства парусного полотна и от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ писчей бумаги)⁶.

Предприятию Гончаровых посвящена статья В. А. Бухиной и небольшая работа Д. И. Малинина⁷. Названные работы появились в 1929—1930 гг. Авторы в то время еще не ставили задачи определения социально-экономической сущности гончаровской мануфактуры. Недостаточно изучена также ее конкретная история: В. А. Бухина ограничивает свое исследование 30-ми годами XVIII в. (до превращения мануфактуры в посессионную)⁸, Д. И. Малинин, охватывая в своем исследовании весь XVIII в., характеризует экономику мануфактуры на основании сведений только одного 1777 г.⁹ Обработывая ревизские сказки II—V ревизий, Д. И. Малинин детально осветил движение населения в селе Полотняный завод. Однако работа Д. И. Малинина не решает в целом проблемы рабочей силы, так как не вскрывает состава рабочих и характера эксплуатации. Оба исследователя не имели возможности в достаточной мере пользоваться ценным фабричным архивом. (В 1930 гг. архив Гончаровых был не собран и не описан¹⁰).

Доступный в настоящее время для обработки обширный вотчинный архив Гончаровых¹¹, хранящийся в ЦГАДА, содержит систематические сведения, характеризующие экономическое развитие «фабрики» во второй половине XVIII в.

При написании статьи использован разнообразный материал архивного фонда Гончаровых. Ведомости в Мануфактур-коллегию и другие центральные учреждения содержат сведения о категориях работников (приписные, пожалованные, купленные, наемные) и количестве рабочих по каждой специальности¹². Ежегодные рапорты конторы владельцу мануфактур сообщают данные о формах оплаты, расценках и их изменении на протяжении полувека, о денежных штрафах и вычетах. Хотя владелец мануфактуры обычно сам проверял отчеты конторы и строго следил за расходом денег на производство, возможно, что приказчики утаивали часть денег и данные рапортов не вполне соответствуют действительности, но сведения, сообщаемые приказчиками о рабочих, например об их использовании в процессе производства, представляются достоверными, поскольку ложные донесения по этому вопросу не могли принести выгоды фабричной администрации. Приказы и инструкции владельцев конторе, переписка Гончаровых с приказчиками и немногочисленные документы, исходящие от рабочих, рисуют положение фабричных людей и существовавший на мануфактуре режим. Так как фабричный архив имел целью учет материальных и денежных ценностей мануфактуры, жизнь и быт рабочих освещаются документами наиболее слабо.

В целом материал фонда Гончаровых дает возможность изучить, хотя не всегда с одинаковой полнотой, вопросы о социальном составе, характере эксплуатации и положении рабочих людей.

⁵ Мануфактура располагалась в селе Спасс-на-Взгомни Калужского края. В XVIII в., в зависимости от уезда, в состав которого входила «фабрика», она называлась Малоарославской (до 1777 г.), или Медынской. С начала XIX в. за селом укрепилось название Полотняный завод (в настоящее время поселок Полотняный).

⁶ ЦГАДА, ф. 248, оп. 16, кн. 946, лл. 1146, 1169, 1689.

⁷ См. В. А. Бухина. Малоарославская фабрика до закрепощения рабочих (1718—1737). «История пролетариата СССР», сб. 2, М., 1930, стр. 115—147; Д. И. Малинин. Полотняный завод в XVIII веке, Калуга, 1929.

⁸ При основании мануфактуры купцом Т. Ф. Карамышевым в 1735 г. кадры этого промышленного предприятия составились главным образом из наемных людей (ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 3а, д. 29, л. 1). Однако наряду с наемными использовались и феодально-зависимые люди, к числу которых относились: пожалованные владельцу «фабрике» в 1720 г. с соседним дворцовым селом Товарковым, отданные из переписной канцелярии с обязательством уплачивать за них подушные деньги, переведенные с казенной бумажной мельницы, купленные владельцем (ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 2, д. 86, лл. 20—47). В посессионную мануфактуру предприятие превращено в 1737 г., когда все наличные обученные мастерству работники были переписаны и вместе с членами семей (всего 1839 человек) навечно прикреплены к мануфактуре. Прикрепление оформлено указом сената от 21 марта 1739 г.

⁹ Д. И. Малинин. Указ. соч., стр. 14—16.

¹⁰ В. А. Бухина. Указ. ст., стр. 115; Д. И. Малинин, Указ. соч., стр. 14.

¹¹ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, 2, 3, 3а, 3б, 4, дела за 1740—1820 гг.

¹² Там же, оп. 1, д. 87, 72, 1542; оп. 3а, д. 14.

Прежде чем перейти к конкретному освещению поставленных вопросов, коротко остановимся на экономическом положении и тенденции развития гончаровских мануфактур. Малоарославецкая «фабрика» являлась составной частью обширного хозяйства Гончаровых. Владелец был одновременно «и помещиком и заводчиком», какими были, по определению В. И. Ленина, горнопромышленники Урала в феодальную эпоху. Связь промышленного предприятия с вотчинным хозяйством выражалась в использовании вотчинных ресурсов.

Из вотчин поступало на предприятие основное сырье для парусного полотна: пенька, зола и полуфабрикат — пряжа. В 60—70-х годах вотчинная пряжа составляла около четверти (22—28%) перерабатываемой ежегодно пряжи¹³. Вотчины также обеспечивали мануфактуру крепостной рабочей силой. На протяжении полувека роль вотчинных ресурсов менялась: к концу XVIII в. приток их значительно сократился.

Являясь частью феодального хозяйства, гончаровская мануфактура была вместе с тем тесно связана с рынком. Бумажная мануфактура целиком работала на покупном сырье. Полотняная использовала, кроме вотчинного, покупное сырье (в самом конце века работа на ней велась полностью на рыночном сырье). Парусные полотна сбывались на экспорт, бумага реализовывалась внутри страны.

На развитие посессионной мануфактуры Гончаровых оказало влияние изменение общих социально-экономических условий в России во второй половине XVIII — начале XIX в. Полотняное производство в своем развитии прошло два этапа: первый (50-е — середина 80-х годов) характеризуется высокой устойчивой выработкой, увеличением числа работников, расширением мануфактуры и большими прибылями владельца. Это период восходящего развития мануфактуры. Ежегодно в это время ткали до 6—7 тыс. кусков парусного полотна (300—350 тыс. аршин). Доходность мануфактуры являлась основой расширения вотчинного хозяйства владельца. В 50—70-х годах Гончаровы приобрели значительное количество дорогостоящих имений¹⁴. По данным IV ревизии им принадлежало 11 872 души мужского пола¹⁵. Второй этап развития (конец XVIII в. — 20-е годы XIX в.) характеризуется снижением всех перечисленных показателей полотняного производства и ростом задолженности Гончаровых. Выработка полотна в это время вдвое уменьшилась (ткали не более 3 тыс. кусков). Посессионная полотняная мануфактура оказалась не способной конкурировать с выросшими капиталистическими мануфактурами в России и механизированным производством Запада (определенное влияние на состояние мануфактуры оказал переход в начале XIX в. от парусных судов к пароходам). В итоге полотняная мануфактура Гончаровых распалась в середине XIX в. Как крупное промышленное предприятие она перестала существовать уже к 20-м годам XIX в. Одной из конкретных причин упадка полотняной мануфактуры явился раздел наследства после смерти основателя «фабрики» А. А. Гончарова в 1784 г.: в результате раздела из единого хозяйственного комплекса мануфактуры были выключены вотчины, поставлявшие сырье для изготовления полотна, а предприятие из рук опытного, расчетливого хозяина купца А. А. Гончарова перешло к его внуку, изнеженному и расточительному барину.

В отличие от полотняной, бумажная мануфактура на протяжении второй половины XVIII в. работала ровно. В отношении сбыта продукции она была целиком связана с внутренним рынком страны, емкость которого увеличивалась по мере роста капиталистических отношений. Поэтому бумажное производство в большей мере, чем полотняное (ориентированное на экспорт), приспособлялось к условиям растущего капиталистического рынка. Известную роль в приспособлении экономики бумажной мануфактуры к условиям капиталистического рынка сыграл переход ее в начале XIX в. (с 1804 г.) в аренду к купцу. Арендатор-капиталист частично механизировал производство бумаги и привлек наемных рабочих. В результате эта часть мануфактуры оказалась более устойчивой.

Кризис бумажной гончаровской мануфактуры проявился позднее, в 40-х годах XIX в. (с конца 20-х годов XIX в. она снова перешла в непосредственную эксплуатацию Гончарова). Владелец мануфактуры Д. Н. Гончаров сообщал в это время о затруднительном положении бумажной мануфактуры. Как писал сам Гончаров, в

¹³ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 67, 70, 134, 753.

¹⁴ Там же, оп. 2, д. 1099, 1145.

¹⁵ Там же, д. 567, л. 9.

Условиях возросшей конкуренции со стороны механизированного производства бумаги стало невозможно «поддерживать ход ручных фабрик с первоначальным блестящим их существованием»¹⁶. В середине века, бумажная мануфактура перешла в руки купца Говарда и впоследствии превратилась в капиталистическую фабрику. Этот переход совершился после отмены посессионного состояния работников, в период падения крепостного права в стране.

Таким образом, развитие обеих частей гончаровской мануфактуры подчинено единой закономерности. А именно: обе они являлись процветающими и доходными лишь до тех пор, пока в соответствующей отрасли промышленности были недостаточно развиты капиталистические предприятия. При столкновении с последними проявлялась слабость и нежизнеспособность посессионной мануфактуры.

* * *

Закрепленные в 1737 г. посессионные фабричные работные люди составили ядро кадров мануфактуры и во второй половине XVIII в.

Полученное А. А. Гончаровым в 1742 г. дворянство дало ему возможность пополнять кадры работных людей крепостными крестьянами из вновь приобретаемых вотчин. В результате перевода крепостных на «фабрику» быстро возросло общее количество ее работников. В 1743 г. на мануфактуре насчитывалось 1767 человек, в 1750 г.—2383¹⁷. За семь лет количество фабричных¹⁸ увеличилось на 616 человек (28%). Об усиленном переводе вотчинных крестьян Гончаровых на «фабрику» в 40-х годах свидетельствует ведомость 1751 г. Согласно сведениям этой ведомости на «фабрику» было переведено из вновь приобретенных вотчин (с детьми рабочего возраста) 403 человека (17% общего количества фабричных). А. А. Гончаров подчеркивал владельческий характер этих приобретений. Он сообщал в Мануфактур-коллегию: «Я... указу Мануфактур-коллегии о покупке деревень не имею, а имею деревни по указу е. и. в. по пожалованному мне чину, а не по фабрикам... тех покупных крестьян по большей части употребляю в фабрики и заводы»¹⁹.

Таблица 1 отражает изменения в социальном составе работных людей гончаровской мануфактуры с 30-х годов XVIII в. до начала XIX в.²⁰

Несмотря на некоторую неоднородность данных таблицы (в 1750 и 1797 гг. показаны все непосредственно работавшие на мануфактурах души обоого пола; в 1737 и 1778—1784 гг. показаны только внесенные в ревизию души мужского пола, вследствие

ТАБЛИЦА 1

Год	Наемные	Посессионные	Пожалованные	Купленные ²¹	Всего
1737—1739	792 д. м. п.	—	225 д. м. п.	35 д. м. п.	1052 д. м. п. ²²
1750	не указано	937 д. м. п.	не указано	525 д. м. п. 191 д. ж. п.	1462 д. м. п. 921 д. ж. п.
1778—1784	—	1016 д. м. п.	158 д. м. п.	285 д. м. п.	1459 д. м. п.
1797	—	535 д. м. п. 1174 д. ж. п.	215 д. м. п. 9 д. ж. п.	221 д. м. п. 18 д. ж. п.	971 д. м. п. 1201 д. ж. п.

¹⁶ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 2278, л. 176.

¹⁷ Там же, д. 72, лл. 74—75 об.; д. 87, лл. 28—30 об.

¹⁸ «Фабричный» — термин источников XVIII в. В статье он употребляется применительно ко всем работным людям посессионной мануфактуры.

¹⁹ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 86, лл. 88—89.

²⁰ Там же, оп. 2, д. 86, лл. 20—47; оп. 1, д. 72, лл. 74—75 об., оп. 3а, д. 29, л. 3; оп. 1, д. 1542, лл. 7—9.

²¹ «Купленные» — термин источников, к этой категории относятся крепостные крестьяне, приобретенные Гончаровым вместе с вотчинами и переведенные на мануфактуру. Исключение составляют 35 душ мужского пола, приобретенные в 30-х годах XVIII в. еще на посессионном праве.

²² Эта цифра получена в результате подсчета автора. В общем итоге источника показано 1062 души мужского пола.

чего отсутствуют данные о работающих женщинах), эволюция социального состава работников прослеживается вполне отчетливо.

До конца 30-х годов XVIII в. на мануфактурах работали, в основном, наемные люди, что совмещалось с использованием феодально-зависимых работников. После закрытия фабричных, предприятие обслуживалось преимущественно феодально-зависимым трудом, главным образом посессионными работными людьми.

Посессионные фабричные Гончаровых во второй половине XVIII в. являлись потомственными промышленными рабочими, поскольку их связь с мануфактурой к этому времени закрепилась преемственностью нескольких поколений (ядро кадров сложилось в 20—30-х годах XVIII в.²³). Фамилии и имена рабочих 60—80-х годов XVIII в. свидетельствуют о том, что они были детьми и внуками рабочих 20—30-х годов²⁴.

Постоянными кадрами мануфактуры становились переселяемые на «фабрики» крепостные крестьяне из вотчин Гончаровых. Это подтверждается при сравнении списков переселенных крестьян за 1767 и 1783 гг.²⁵ Показателем прочной связи переведенных крестьян с мануфактурой является запись их в подушный оклад при «фабриках», а не в деревнях, с которыми они были куплены²⁶. Подобно посессионным работникам, эти крестьяне выполняли все основные и вспомогательные работы. Основой их существования, как и для посессионных, являлось денежное жалование, заработанное на мануфактуре. О том, как сочеталась оплата переведенного на «фабрику» крепостного крестьянина с взысканием с него феодальных повинностей, использованные источники содержат лишь скудные сведения. Так, в окладной книге подушного сбора за 1767 г. против фамилии взрослого работника И. И. Заваруева, переведенного из Брянской вотчины, отмечено: «оброку на него не следует класть, что отец его отдан в солдаты»²⁷ (подушные деньги с него брались). В запросной книге 1768 г. с переведенных брянских крестьян сверх подушных и солдатских денег, которые они платили наравне с посессионными, дополнительно взымали по 1 руб. оброка и 21 коп. сенных денег²⁸. Эти беглые указания дают основание считать, что крестьяне должны были выработать на мануфактуре оброк. Крестьяне, оставленные в вотчинах, также привлекались к обслуживанию мануфактуры; они работали из «фабрике» временно, «с переменой» (чаще всего через три месяца). Широко практиковалась высылка на «фабрику» немущих крестьян, которые неспособны были нести в вотчине тягло. Они обязаны были выработать на мануфактуре положенные повинности. «Фабрика» помогала мануфактуристу-помещику извлекать феодальные повинности, поступление которых не обеспечивало крестьянское хозяйство. Вотчинные крестьяне выполняли на «фабрике» основные и подсобные работы²⁹. Они ткали полотна (особенно интенсивно ткачи из вотчин привлекались на «фабрику» в годы усиления рыночного спроса и расширения производства), рубили и вывозили дрова, осуществляли перевозку сырья. Крестьянки пряли для «фабрики» на дому пряжу; в 1770-х годах число вотчинных прях достигало двух тысяч³⁰. Общее количество гончаровских крепостных, обслуживавших мануфактуру, не может быть учтено. Различные формы привлечения крестьян к обслуживанию мануфактуры свидетельствуют о том, что удельный вес крепостного труда был значительно более высоким, чем он представляется на основании цифр таблицы 1, учитывающей только постоянных работников, непосредственно занятых на мануфактуре.

Одновременно эти факты подтверждают высказанное в литературе положение о том, что наличие у владельцев посессионных мануфактур значительных земельных фондов с крепостным населением до определенного времени укрепляло позиции посессионной мануфактуры при столкновении с капиталистическими мануфактурами³¹.

²³ О формировании кадров на мануфактуре в 20—30-х годах XVIII в. см. В. А. Букина, Указ. ст.

²⁴ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 455, 1155, 1300; оп. 2, д. 87, л. 20—47.

²⁵ Там же, оп. 1, д. 402, 1155.

²⁶ Там же, оп. 3а, д. 29, л. 3.

²⁷ Там же, д. 402.

²⁸ Там же, д. 439.

²⁹ Там же, оп. 1, д. 217, лл. 1—4, д. 1096, лл. 51—53.

³⁰ Там же, д. 756, л. 20, оп. 3а, д. 29, лл. 30б.

³¹ См. Э. С. Виленская. Указ. ст., стр. 95—103. Вопрос о взаимоотношении посессионной мануфактуры с вотчинным хозяйством в настоящей статье не рассматривается, поскольку это большая тема, требующая особого исследования.

Наряду с посессионными и крепостными до 60-х годов XVIII в. прослеживается присутствие на «фабрике» наемных рабочих, документы о которых очень немногочисленны. Так, в книге входящих паспортов за 1752—1761 гг. учтено 153 паспорта «посторонних» людей³². Число наемных по отношению к общему количеству работников мануфактуры ничтожно (в 1750 г. на «фабриках» всего работало 2383 человека). Все пришлые люди были преимущественно помещичьими крестьянами из окрестных уездов.

О работе, которую выполняли наемные люди на мануфактуре, имеются лишь единичные указания. В паспорте крестьянина Мещовского уезда отмечено: «Никон Парфенов с женой к г-ну А. А. Гончарову в ткацкую работу на полотняную фабрику»³³. Паспорт был выдан на восемь месяцев (с апреля по ноябрь 1756 г.). В другом паспорте говорится: «крестьянского сына Ивана Иванова в работу в цевощники»³⁴. Цевощниками работали на мануфактуре дети не старше 14—15 лет. В данном случае, очевидно, по найму работал подросток.

Приведенные пометки вполне определенно свидетельствуют об участии наемных рабочих в производстве полотна.

Расширение вотчинного землевладения Гончаровых привело к полному вытеснению наемных рабочих собственными крепостными. В конце 70-х годов А. А. Гончаров сообщал: «...а наемных работников при тех моих фабриках не имеется»³⁵. Наемные отсутствовали на мануфактурах и в дальнейшем. А. Н. Гончаров писал в 1818 г.: «вольнонаемных при фабриках рабочих нет, а все изделия обрабатываются своими фабричными людьми»³⁶.

По составу рабочей силы мануфактура Гончаровых являлась во второй половине XVIII в. предприятием, базирующимся на принудительном труде посессионных рабочих людей и гончаровских крепостных крестьян.

Гончаровские фабричные были феодально зависимыми людьми, наследственное прикрепление к «фабрике» отрывало их от земли. Документы архива сообщают: «Оные фабричные ничем иным не занимаются кроме тех фабрик работами, а земли и хлебопашества у них не имеется, но состоят на всем фабричном денежном содержании»³⁷. В 1788 г., сообщая А. Н. Гончарову о небольших запасах точной пряжи, приказчик писал: «Если не поспешим покупкой пеньки и пряжи, то ткачи за утком остановку и прогулку иметь будут и работы потребуют чтоб им прокормить себе»³⁸. Исследуя вопрос о характере эксплуатации посессионного работника, необходимо остановиться на использовании его в процессе производства. В современной исторической литературе разделение труда признается одним из определяющих показателей строя производства. Как уже отмечалось, ряд исследователей (Е. И. Заозерская, Б. Б. Кафенгауз, С. Г. Струмилин) сближают посессионную мануфактуру с капиталистической, поскольку в обеих формах налично развитое разделение труда. При этом рассматривается только одна сторона вопроса о разделении труда, а именно: дробление производственного процесса на отдельные детальные операции. Другая сторона — превращение работника в частичного рабочего — не освещается³⁹.

Рассмотрим факты по материалам мануфактуры Гончаровых. Все гончаровские работники были обучены мастерству и соответственно своей специальности они выполняли определенные производственные операции. На полотняной мануфактуре каждую основную операцию: толчение, чесание, беление, прядение, снование, размотку нитей, тканье полотна — выполняли особые группы работников: толчельщики, чесальщики, прядильщики, мылари, сновальщики, шпульники, ткачи. То же самое имело место на бумажной мануфактуре. В этом отношении разделение труда, существовавшее на посессионной мануфактуре, не отличалось от разделения труда капиталистической мануфактуры. Однако специализация крепостного рабочего посессионной мануфактуры не

³² ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 68, лл. 1—2.

³³ Там же, д. 217, лл. 4об, 5об.

³⁴ Там же, д. 68.

³⁵ Там же, оп. 3а, д. 29, л. 3об.

³⁶ Там же, оп. 1, д. 2015, пункт 9.

³⁷ Там же, оп. 3а, д. 17, л. 3; Гос. арх., XIX р., д. 395, л. 23об.

³⁸ Там же, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 1353, л. 13.

³⁹ Попытка осветить эту сторону вопроса на материалах Московского суконного двора была предпринята М. П. Вяткиным (См. «Крепостная мануфактура в России», ч. V, Московский Суконный двор, Л., 1934, стр. XIV).

превращала его в частичного рабочего в том смысле, как его определяет К. Маркс. Характерной чертой разделения труда капиталистической мануфактуры, указывает Маркс, является превращение работника в частичного рабочего, на всю жизнь прикованного к выполнению одной узкой детальной операции, в результате чего частичный рабочий становился виртуозным исполнителем этой операции⁴⁰.

В отличие от этого, специализация посессионного работника гончаровских мануфактур не прикрепляла его к постоянному и неизменному выполнению одной рабочей функции. Квалифицированный работник по воле владельца переводился на различные работы внутри мануфактуры и даже на работы, не связанные с производством (например, на уборку господских садов). Подобное использование работника ущемляло его интересы, так как переводы снижали его заработок. Об этом фабричные писали в своей челобитной 1752 г.⁴¹ В 70-х годах ткачам, посылаемым на очистку прудов, платили по 5 коп. в день, в то время как находясь у стана, ткач мог заработать значительно больше (7,5 коп. в день из расчета 0,1 куска в день при расценке 74 коп. за кусок).

При наличии безработицы, наемный рабочий-специалист также мог превращаться в чернорабочего. Однако он изменял характер своих занятий в силу экономических причин (кстати, во второй половине XVIII в., в условиях господства крепостничества, безработица еще не была характерным явлением). В основе же переводов гончаровских рабочих с одних работ на другие лежало внеэкономическое принуждение. Постоянно и беспрепятственно переводить специалиста на невыгодные для него работы можно было именно потому, что он был крепостным рабочим и не мог уйти с «фабрики».

А. Н. Гончаров ясно выразил отличие, существовавшее во взаимоотношениях предпринимателя-капиталиста с наемными рабочими и владельца посессионной мануфактуры со своими крепостными фабричными. Отвечая на обвинение в том, что на его мануфактуре работникам платят меньше, чем на других, А. Н. Гончаров в 1814 г. писал: «сие весьма ложно, нигде таковой крепостным фабричным платы не производится, а буде, где таковая плата и происходит, то наемным людям, потому что они по временам тем только получают такую плату когда возвышаются цены, а когда нет цен, то тех наемных ссылают с фабрик, а как у меня фабричные крепостные, следовательно при всяком случае и должен доставлять к пропитанию их работу и платить за оную деньги»⁴².

В данном случае Гончаров подчеркивал отягочительность посессионного состояния для владельца мануфактуры. Одновременно заявление Гончарова вскрывает объективную необходимость перевода посессионных рабочих в процессе производства: не имея возможности «ссылать с фабрик» людей, владелец должен был переводить специалистов на различные работы. По отношению к наемным такая система использования работника не могла быть правилом.

Особенно показательны в этом отношении сведения о работе ткачей, наиболее квалифицированной части рабочих. На основании подсчетов, проведенных по конторским книгам, получены следующие данные.

В книге, учитывающей работу ткачей за 1768 г., поименно перечислено 364 человека. Из них в течение этого года (все 12 месяцев) непрерывно работали ткачами 103 человека (28%). Остальные 261 (72%) ткали не полный год. Для отдельных ткачей имеются отметки, указывающие о выполнении ими иных работ. Например, «Козьма Овсянкин плотничал, Клим Киселев на толчее работал, Егор Лехов известь возил, Андрей Соколов в чесальне работал, Зот Коровин в саду работал, Егор Шумкин в угольной, каталь»⁴³. При подсчете сведений о работе ткачей за 1780 г. получены следующие результаты: всех ткачей записано 309, 12 месяцев непрерывно работали ткачами 121 человек (39%), 183 (61%) ткали не полный год⁴⁴.

Для выяснения устойчивости занятий ткача на протяжении нескольких лет можно сравнить сведения за 1783 и 1787 гг. В 1783 г. ткачей насчитывалось 301 человек (без

⁴⁰ См. К. Маркс. Капитал, т. I, М., 1955, стр. 345, 368, 369.

⁴¹ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке», М.—Л., 1937, стр. 13—14.

⁴² ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 1969, л. 12 (подчеркнуто мной. — Е. Р.).

⁴³ Там же, д. 455, лл. 1—44.

⁴⁴ Там же, д. 1022, лл. 1—40.

учета переведенных из вотчин). При сравнении может быть учтен 231 человек, так как 70 ткачей в 1787 г. не имели отметок о занятиях. Из 231 в 1787 г. 178 человек (77,5%) по-прежнему значились ткачами, 53 человека (22,5%) выполняли другие работы. В список ткачей в 1787 г. попало 14 новых фамилий⁴⁵. Ткачи переводились на самые различные работы: в чесальню, мыларню, сновальню, а также на бумажную «фабрику».

В феврале 1783 г. в связи с падением спроса на парусное полотно и сокращением его производства А. А. Гончаров приказал: «ткачей употребить для ломки камня и в другие нужные работы»⁴⁶, т. е. фактически перевел их на черные работы. Число станов в это время было уменьшено до 200. Позднее ткачей опять поставили к станам. В мае того же года, когда сложилась выгодная обстановка на рынке сбыта и вновь повысился спрос на полотна, число станов было вновь увеличено с 200 до 300⁴⁷. Таким образом, не менее 100 ткачей около трех месяцев находились на различных работах, в том числе и на ломке камня. Подобные переводы наблюдаются неоднократно. «Из разных подрядных работ плотники и каменщики за станы вступили», — сообщает приказчик А. А. Гончарову в 1788 г.⁴⁸ При новом сокращении производства и новых осложнениях в 1796 г. ткачи вновь вынуждены были выполнять самые различные работы. Приказчик указывал: «В действии станов 180, а 127 человек за неимением белого товара высланы в разные работы, а именно: в чесальню — 38, в каменщики — 13, в плотники — 40, в поденщики — 36»⁴⁹.

Подсчет сведений о работе чесальщиков дает аналогичные результаты. В 1757 г. из 109 человек, занятых в течение года в чесальне, только 33 (около 30%) находились там постоянно⁵⁰. В 90-х годах часть чесальщиков была переведена на работы по починке крыши.

Сообщая в Мануфактур-коллегию сведения о количестве работников каждой специальности, ведомость 1774 г. отмечает: «...а обстоятельно кто в каких работах находится показать не можно, потому что переходят в другие работы и в разные присмотры как-то с полотняной на бумажную и с бумажной на полотняную...»⁵¹.

Таким образом, факты свидетельствуют об отсутствии прикрепления работника к выполнению одной детальной операции. Переводы работника в процессе производства с одних работ на другие были широко распространены на мануфактуре Гончаровых.

Гончаровский рабочий отличался по своему участию в производстве от ремесленника, выполнявшего попеременно все операции производственного процесса, но вместе с тем, он отличался и от частичного рабочего, так как не был неизменно прикован к одной детальной операции.

В итоге, разделение труда, существовавшее на мануфактуре Гончаровых, не может отождествляться с разделением труда капиталистической мануфактуры. Поскольку посессионный работник не превращался в узко специализированного частичного рабочего, разделение труда на этой мануфактуре оставалось незавершенным.

В данном случае можно говорить о тормозящем влиянии производственных отношений на развитие производительных сил, так как посессионное состояние работников ограничивало и задерживало развитие детального разделения труда. Изученный материал об устойчивости занятий работника на мануфактуре Гончаровых дает дополнительный аргумент исследователям, выступающим против отождествления строя посессионной мануфактуры с капиталистическим⁵².

Незавершенность разделения труда была одной из причин более низкой производительности труда посессионного работника сравнительно с наемным.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 1155, 1300.

⁴⁶ Там же, д. 1189, лл. 25—27. Понижение спроса в 1783 г. объясняется перемирием между Англией и Америкой (война американских колоний за независимость 1775—1783 гг.).

⁴⁷ Там же, д. 1353, лл. 12об., 13.

⁴⁸ Там же, лл. 12об., 13.

⁴⁹ Там же, д. 1525, л. 23.

⁵⁰ Там же, д. 405.

⁵¹ Там же, д. 756, л. 20.

⁵² См. Э. С. Виленская я. Указ. ст.; И. В. Кузнецов. Указ. ст.; А. М. Карпачев. Указ. ст.

При сравнении выработки ткача Гончарова и наемного ткача на мануфактуре калужского купца Шершнева устанавливается, что ткач у Шершнева выработывал в неделю около одного куска полотна, у Гончарова — немного более $\frac{1}{2}$ куска (0,6 куска) однотипного полотна⁵³. Производительность труда наемного рабочего была на 40% выше производительности труда посессионного.

Существенным моментом для определения характера рабочей силы на посессионной мануфактуре является вопрос об оплате труда.

Согласно концепции академика С. Г. Струмилина, во всей русской мануфактуре, не исключая посессионной и вотчинной, основанной на труде феодально-зависимых работников, «общественные отношения производственной эксплуатации и экономической стимуляции труда, т. е. базис мануфактуры, были совершенно чужды феодализму»⁵⁴.

Денежное жалование посессионных рабочих С. Г. Струмилин отождествляет со своей экономической природой с капиталистической системой оплаты. Материалы гончаровской мануфактуры противоречат подобному утверждению.

Посессионные работные люди Гончаровых так же, как и наемные рабочие капиталистических мануфактур, существовали, в основном, лишь за счет денежного жалования, получаемого на промышленном предприятии⁵⁵. Но на гончаровской мануфактуре между предпринимателем и работниками отсутствовали отношения найма, купли-продажи рабочей силы, так как мануфактура обеспечивалась кадрами вне зависимости от рынка рабочей силы. Поэтому денежная оплата посессионных фабричных не может отождествляться с капиталистической категорией заработной платы. Она является лишь минимальным материальным обеспечением, предоставляемым помещиком-заводчиком своему (крепостному) работнику и необходимым последнему для воспроизводства его рабочей силы.

Феодальный характер взаимоотношений Гончарова с работными людьми ярко проявляется в том, что кроме денежного жалования — основы их существования, — работные люди имели свое подсобное хозяйство: содержали коров⁵⁶, разводили при домах огороды⁵⁷. Приусадебные участки земли под огороды и выгоны для скота им предоставлял Гончаров — мануфактурист-помещик.

Крепостному работнику платили меньше, чем наемному. Сравним конкретные сведения об оплате посессионных и наемных ткачей. Наемный ткач на мануфактуре калужского купца Шершнева получал за выделку куска полотна в 1781—1782 г. 1 руб. — 1 руб. 25 коп.⁵⁸ В то же время и за ту же работу гончаровский ткач получал около 75 коп.⁵⁹ В 1814 г. указанный разрыв в оплате еще увеличился. Ткач у Гончарова получал 3 руб. — 3 руб. 50 коп. за кусок, в то время как на других предприятиях наемному ткачу платили по 9—10 руб. за кусок⁶⁰.

Гончаров произвольно снижал оплату своим крепостным работникам. Так, в 1783 г., в связи с уменьшением на внешнем рынке спроса на парусное полотно, А. А. Гончаров приказал: «за прядение платежом денег на четверть убавить»⁶¹. Снижение расценок имеет место и на капиталистических предприятиях. Однако зарплата наемного рабочего определяется договором формально (не фактически) равноправных сторон, а на посессионной мануфактуре она целиком зависит от воли владельца. В случае неудовлетворенности зарплатой, чрезмерным ее снижением, наемный рабочий мог уйти от нанимателя. Посессионный фабричный был лишен этой возможности.

⁵³ См. «Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781—82 гг.», СПб., 1787, стр. 38; ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 2322, л. 10.

⁵⁴ С. Г. Струмилин. Рабочие русской мануфактуры к концу XVIII в. «Вопросы экономики», 1953, № 9, стр. 70.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 3а, д. 17, л. 3; Гос. арх., XIX р., д. 395, л. 23об., д. 1353, л. 13.

⁵⁶ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 687, 1538, л. 9об.

⁵⁷ Там же, оп. 3, д. 13, лл. 5, 181об., 244.

⁵⁸ «Путешественные записки Василия Зуева...», стр. 37—38.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 753, л. 137. На обеих мануфактурах выработывали полотно одного сорта и куски одинакового размера: 50 аршин длиной, 17 вершков шириной.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 1969, л. 12.

⁶¹ Там же, д. 1189, л. 25.

На мануфактуре Гончаровых применялась как сдельная, так и повременная форма оплаты.

Бумажники, рабочие ремесленных специальностей (столяры, плотники, каменщики и др.) и поденщики (подсобные рабочие) оплачивались повременно. Записи, касающиеся заработка бумажников, суммарны и не позволяют уточнить заработка отдельного рабочего.

На полотняной «фабрике» работы оплачивались сдельно. Поэтому возможно проследить изменение расценок от 40 до 90-х годов XVIII в.

Имеющиеся сведения объединены в таблице 2.

ТАБЛИЦА 2

Расценки (в копейках) на полотняной «фабрике»
(40--90-е годы XVIII в.)⁶²

Виды работы	Количество	Г о д ы								во сколько раз увели- чились
		1743	1751	1763	1771	1774	1782	1788	1799	
Толчение пеньки	пуд	1	1	1	1	1	1	1	1 1/2	1 1/2
Толчение утка	»	—	1/2	1/3	3/4	3/4	3/4	3/4	3/4	1 1/2
Чесание пеньки	тюк	2 1/2	2 1/2	2 1/2	2	2 1/2	2 1/2	—	—	—
Прядение основы	пуд	60	53	50	44	43	50	54	92	1 1/2
Прядение утка колесного	»	—	36	29	—	27	36	—	—	—
Прядение утка кудельного	»	—	—	—	—	—	—	37	74	2
Прядение утка пакольного	»	—	—	—	33	37	37	37	76	2 3/10
Мытье пряжи	»	6	5	—	8	8	8	12	19	3 4/5
Снование основ	основа	4	2	—	5	66	—	—	12	3
Тканье полотен	кусок	50—90	69	74	74	74	74	88	162	3 1/5—1 4/8
Вязанье ниченок	пара	3	3	3	3	3	3	2	3	без перемен
Вязание берд	»	20	—	15	15	15	15	15	15	»
Варка шлихты	в месяц	—	—	110	110	110	110	—	—	»

Некоторые расценки оставались неизменными на протяжении полустолетия (для толчельщиков, нитчельщиков, бердовщиков). Расценки основной массы рабочих людей — чесальщиков, прядильщиков, ткачей, за тот же период увеличились.

Повышение расценок большинства рабочих во второй половине XVIII в. не дает оснований для вывода о повышении их жизненного уровня за этот период. Установить изменение реальной заработной платы возможно лишь при сравнении заработка рабочего со стоимостью жизненных средств, в частности с ценами на хлеб. Воспользуемся для этой цели хлебными ценами, выведенными акад. С. Г. Струмилиным. Цены на хлеб неуклонно увеличивались каждое десятилетие и от 50-х до 90-х годов XVIII в. возросли почти в 4,8 раза (с 80 коп. до 3 руб. 82 коп. за четверть ржи)⁶³. Расценки на мануфактуре Гончаровых за тот же период повысились не более чем в 1,5—3 раза, при этом в течение 25—30 лет они оставались неизменными и заметно увеличились только в конце века (см. табл. 2). Диспропорция в возрастании стоимости жизненных средств и оплаты вела к снижению жизненного уровня работников. О затруднительном материальном положении рабочих в 1790 г. имеются прямые свидетельства. В июне 1794 г. приказчик писал А. Н. Гончарову: «Фабричные просят дабы с них подушных денег сбором потерпеть до нового хлеба, может де подешевеет, а теперь де весьма им тягостно»⁶⁴.

⁶² ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 37, 66, 753, 1322, 1587; оп. 3, д. 2.

⁶³ С. Г. Струмилиным. История черной металлургии СССР, т. 1, стр. 273. Эти сведения подтверждаются архивными данными. Например, в 1793 г. четверть ржи в Калуге стоила 3 руб. 30 коп. — 3 руб. 50 коп. (ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 1435, л. 149).

⁶⁴ Там же, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 1455, лл. 293—294.

Реальную заработную плату фактически уменьшали различные платежи и повинности.

В пользу государства рабочие люди обязаны были платить семигривенную подушную подать и отбывать рекрутскую повинность, чаще заменяемую денежными взносами на покупку рекрута. Ценные сведения о сборах с рабочих людей содержатся в челобитной, составленной ими в момент волнения, вспыхнувшего на мануфактуре в 1752 г.⁶⁵ Рабочие люди Гончаровых сообщали в челобитной о повышенных сборах с них подушных и рекрутских денег. Вместо полагающихся 70 коп. подушного сбора в год собирали по 1 руб. В два набора 1747—1748 гг. было собрано рекрутских денег по 1 руб. 70 коп. с души и тем самым, по подсчетам фабричных, «перебрано излишних денег 3079 руб. и сверх этого отдано в рекруты в натуре 6 человек, из числа мастеровых, а не купленных его (Гончарова.— *Е. Р.*) людей»⁶⁶. А. А. Гончаров отрицал эти обвинения рабочих людей. По его словам, с них не только не взыскивалось больше положенного подушного сбора, но и сам он из собственных средств платил за малолетних и нетрудоспособных⁶⁷.

Наиболее объективные сведения содержат конторские книги мануфактуры. Сборы государственных платежей происходили на мануфактуре следующим образом. Гончаров из своих средств вносил в казну подушные и рекрутские деньги за все ревизские души, числившиеся на «фабриках», затем эти деньги частями удерживали из заработка фабричных. Таким образом, рабочие люди целиком оплачивали из собственных средств всю авансированную сумму, включая часть, приходившуюся на нетрудоспособных и малолетних. Круговая порука увеличивала размер обложения каждого работника. Например, в окладной книге подушного сбора за 1773 г. записано: «Заплачено в Ярославец подушных денег за 1459 душ (числившихся по III ревизии.— *Е. Р.*) 1046 руб. 02 коп.». Это соответствовало установленному размеру семигривенной подушной подати. Вся подлежащая сбору сумма была разложена на 916 наличных душ мужского пола. В результате каждый работающий обязан был заплатить в этом году по 1 руб. 14 коп. вместо положенных 70 коп.⁶⁸ Такой порядок сбора существовал на мануфактуре и в 50-х годах XVIII в. Таким образом, точные бухгалтерские свидетельства подтверждают справедливость показаний рабочих людей, которые в 1752 г. жаловались на повышенные сборы подушного платежа.

Кроме подушных и рекрутских денег, гончаровские рабочие люди облагались различными дополнительными платежами и сборами. В 1759 г., помимо рекрутского сбора (названного солдатским), взымались «стоячные» деньги (вероятно, за постой солдат). В целом, в 1759 г. каждый рабочий человек обязан был заплатить подушных рекрутских и стоячных денег по 3 руб. 55 коп.— 3 руб. 88 коп.⁶⁹. Такой платеж не мог быть необременительным для бюджета фабричного человека. В 1768 г. стоячные деньги отсутствовали, но появился новый сбор — «мостовые» деньги (возможно, на починку моста) по 3½ коп. с души⁷⁰.

Накануне крестьянской войны под руководством Пугачева «неспокойные» гончаровские фабричные сослались в Сибирь. Для этого со всех рабочих собирались «сибирские» деньги, предназначавшиеся для отправки сосылаемых. В 1773 г. сибирских денег собиралось по 13 коп. с души. Рабочие люди из своих скудных средств вынуждены были оплачивать ссылку своих товарищей, неугодных Гончарову.

Кроме того, существовал особый мирской сбор, называемый на мануфактуре Гончаровых сбором в ящик, или «ящичными деньгами». Мирской сбор фактически увеличивал размер ежегодного подушного обложения. В 1771 г. на ящик собиралось по 1 коп. с каждой ревизской души⁷¹. В 90-х годах существовал иной, не вполне поддающийся определению, принцип сбора в ящик. В 1797 г. бумажники сообщали: «мы заплатили в год в мирской ящик 50 коп., еще мы вам доносим: получили из вашей гос-

⁶⁵ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII в.», стр. 13—16.

⁶⁶ Там же, стр. 14.

⁶⁷ Там же, стр. 28. Сенат признал правоту доводов Гончарова.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 520.

⁶⁹ Там же, д. 112.

⁷⁰ Там же, д. 401.

⁷¹ Там же, ох. 36, д. 33, л. 186.

подской конторы 100 руб., из оных возьмут в ящик 1 руб. 50 коп., а ткачи получили 125 руб., а в ящик заплатили 1 руб. 11 коп.». Трения между ткачами и бумажниками по вопросу о сборе в ящик с общего согласия привели к уничтожению ящика. Все необходимые годовые расходы, решили фабричные, «должны с подушными равно раскладываться и все останемся без роптания»⁷².

Из «ящика» оплачивались за счет средств рабочих людей различные административно-полицейские нужды: содержание караулов, «провождение» рекрутов, «поковка» в кандалы, отправляемых в Сибирь, подача заявок о бежавших фабричных и др. Гончаров находил возможным употреблять ящичные деньги даже на распилку дров для мыларни, где мыли пряжу. Не совсем ясно, как можно было подвести этот расход под разряд мирских.

Гончаровы широко использовали средства рабочих людей для оплаты расходов, связанных исключительно с интересами владельца мануфактуры. В 1776 г. в связи с покражей с фабричного двора меди А. А. Гончаров приказал: «учинить к большим и на канаве воротам караульщикам на счете бумажников и ткачей, ... а буде впредь как учинится воровство, то с тех взыскано будет втрое»⁷³. Ткачи в 1797 г. сообщали: «Мы же, ткачи, по получении денег за кусок (в это время за выделку куска ткач получал 1 руб. 62 коп. — *Е. Р.*) дает цевошнику сверх казенных свои 5 коп. да за надевку (очевидно, шпули. — *Е. Р.*) по 2 коп., на свечи 6 коп.»⁷⁴.

Для поддержания порядка и лучшего наблюдения за людьми, фабричные, подобно сельскому миру, делились на сотни и десятки.

На мирских сходах при распределении повинностей между фабричными иногда возникали разногласия. Один из архивных документов зафиксировал спор бумажников и ткачей, возникший в 1797 г. по вопросу о распределении «тягостей»⁷⁵. Бумажники и ткачи на сходе пытались выяснить, кто из них в большей мере обременен различными заданиями. Запись о споре содержит ценные сведения о методах эксплуатации на мануфактуре. Особый интерес представляет перечисление обязательных сверхурочных работ. Бумажники заявляли: «Еще мы вынашиваем матерья в роли перемаывать, отработавши свой урок. Еще мы работаем при бумажной фабрике, которой состоят разные поделки, хлам убрать и доски на жилья носим, прасы (прессы. — *Е. Р.*) становим и подушки поднимаем, исключаем своего урока по шабашам и обедам, вешники откидываем, стояки становим из красного саду и вишняк и яблони убираем»⁷⁶. Отвечая бумажникам, ткачи жаловались на частое привлечение их к различным караулам, нарядам и «провождениям» (рекрут, казны, арестантов), которые влекли за собой вынужденные неоплачиваемые прогулы ткачей. Так, в результате обязательного участия в приемке пряжи восемь ткачей всякий раз «имели прогулу по полудню». Как показывают факты, Гончаровы, используя мирскую организацию, обременяли фабричных рядом сверхурочных бесплатных работ. Посылка фабричных на тяжелые бесплатные работы — характерная черта феодальной эксплуатации. В 1772 г. А. А. Гончаров в инструкции приказчикам бумажной «фабрики» повелевал: «Когда колокол на работу пробьет вам прежде всех быть в подкамуру... расписать кто, где и что работать будет..., а кто не явился — тот час освидетельствовать, буде за пьянством, тот час арестовать и в тяжкую безденежную работу определить»⁷⁷. Известно, что владельцы мануфактур в XVIII в. очень широко трактовали понятие «пьянство», подводя под эту категорию различные «проступки» рабочих. Посылать на тяжкую безденежную работу в обязательном порядке можно было только крепостного работника. Приведенное повеление Гончарова является пунктом общей инструкции, по которой «должно непременно исполнение чинить».

Типичная феодальная эксплуатация сочеталась с элементами экономического стигмулирования труда, характерного для капиталистического производства.

На мануфактуре Гончаровых применялась система поощрительных «наддач» (тер-

⁷² Там же, оп. 1, д. 1531, лл. 47—48.

⁷³ Там же, оп. 1, д. 869, лл. 16об., 17.

⁷⁴ Там же, д. 1531, л. 48.

⁷⁵ Спор записан неизвестным лицом на двух отдельных листах, вложенных в книгу 1797 г. Документ носит черновой характер (ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 1531, вкладные листы 47—48).

⁷⁶ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 1531, лл. 47—48 (подчеркнуто мной — *Е. Р.*).

⁷⁷ Там же, оп. 1, д. 718, л. 64.

минология источника) и денежных вычетов-штрафов. Штрафам подвергалась вся основная масса фабричных: чесальщики, прядильщики, ткачи и пр. «Наддачи» выдавались преимущественно ткачам.

Рассмотрим конкретные сведения 1760 гг. «Наддачи» ткачам в январе 1762 г. составили 3 руб. 15 коп., одновременно у них было вычтено 6 руб. 01 коп.⁷⁸ При еженедельном расчете размер «наддач» иногда превышал сумму вычетов. Например, в январе 1769 г. за неделю у ткачей было вычтено 3 руб. 70 коп. и одновременно «наддано» им 6 руб. 70 коп. (соответственно в две другие недели 3 руб. 10 коп. и 4 руб. 85 коп.; 2 руб. 85 коп. и 5 руб. 85 коп.). Однако на мануфактуре существовала расчетливая регулировка, в результате которой размеры годовых вычетов у работников неизменно превышали сумму «наддач». На основании систематического подсчета сведений за целый год выявляется, что в течение 1769 г. у ткачей было вычтено 131 руб. 85 коп., и «наддано» им 125 руб. 40 коп.⁷⁹ В 1766 г. у прядильщиц было вычтено 118 руб. 21 коп.⁸⁰, в 1769 г. — 163 руб. 32 коп.⁸¹ («наддача» им не полагалась). Безграмотные, бесправные женщины были наиболее удобным объектом для обшета. Продуманная система денежных удержаний в сочетании с частыми переводами квалифицированных рабочих на черновые работы — фактически сводила на нет экономическую стимуляцию труда.

В целом различные указные и неуказные платежи и сборы с фабричных, штрафы, обшеты и злоупотребления приказчиков превратились на мануфактурах Гончаровых в систему расчетов с рабочими, снижавшую и без того низкую оплату крепостного работника и приводившую к задолженности последнего.

Сведения о долгах рабочих людей содержатся в «запросных» (долговых) книгах. Записи запросных книг 1750—1760 гг. свидетельствуют о поголовной задолженности фабричных Гончарову. В запросную книгу 1757 г. внесены фамилии 496 фабричных и 167 переведенных из вотчин. Итого 663 человека (главы семей или основные плательщики). Все они числятся должниками на начало и конец года⁸². Задолженность рабочих людей была систематической. Приведем некоторые примеры задолженности фабричных на протяжении десяти лет.

ТАБЛИЦА 3⁸³

Работные люди	Сумма задолженности									
	1757 г.		1758 г.		1759 г.		1766 г.		1767 г.	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Тихон Ишутников	3	08	2	87	1	41	—	32	—	54
Никита Каравайкин	3	29	3	15	4	78	2	48	2	78
Никита Дернов	8	26	9	12	10	65	11	18	12	51
Петр Карачун	8	00	8	86	15	63	10	54	20	76
Аф. Храменок	31	00	31	41	36	85	47	64	47	39

Как видно из таблицы, долг отдельных рабочих, увеличиваясь из года в год, достигал 20—40 руб.

Трудно представить, как мог расплатиться такой фабричный. Особенно много бывали должны крестьяне, переведенные на «фабрику» из вотчин, так как, кроме всех полагающихся с них платежей, они обязаны были выработать на мануфактуре оброк. Например, на крестьянах, переведенных из Брянских слобод на «фабрику», числилось долгу в 1767 г. на Иване Андрееве — 46 руб. 45 коп.; на Иване Чеботареве 60 руб.; на

⁷⁸ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 182.

⁷⁹ Там же, д. 520.

⁸⁰ Там же, д. 354. Работая в значительной мере даром, прядильщицы пытались вознаградить себя, где это было возможно. Показателен в этом отношении случай с Натальей Степановной Лапыревой. Выпряденную ею пряжу она пыталась сдать через крестьянку села Уткина с тем, чтобы получить за свою работу несколько больше, так как деревенская прядильщица получила бы оплату и за пеньку. Пряжа была опознана, обе женщины задержаны. (ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 86, 1743 г.).

⁸¹ Там же, д. 520.

⁸² Там же, д. 98.

⁸³ Там же, д. 98, 102, 112, 306, 401.

Фоме Лоскутове 68 руб. 21 коп. Долг последнего взыскать было уже невозможно, против его фамилии имеется пометка «на мир разложены»⁸⁴.

Изученные архивные материалы позволяют кратко охарактеризовать бытовые условия жизни рабочих людей на гончаровской мануфактуре. Рабочие жили при мануфактуре семьями. Дома их располагались в непосредственной близости от «фабрик».

По сведениям 70-х годов XVIII в. домов у фабричных насчитывалось 631, улиц и слобод — 21⁸⁵. Названия некоторых улиц и слобод связаны с профессиями рабочих. Наряду с Большой Калужской, Малой Московской, Миллионной существовали: Бумажная верхняя улица, Бумажная набережная, Переборщицкая, Суконщицкая, Ветошниковая улицы. Последние названия соответствуют занятиям рабочих: на мануфактурах имелись суконщики, которые ткали необходимые для бумажного производства сукна, ветошники, бумажники, переборщики.

Члены семей рабочих — женщины, дети и старики (кроме совершенно нетрудоспособных) — работали на мануфактурах. Женщины главным образом пряли, прядильщиц насчитывалось больше тысячи. На бумажной «фабрике» женщины перебирали и мыли ветошь (тряпье — основное сырье при изготовлении бумаги), перегибали пополам готовые листы бумаги. Дети работали на мануфактурах с восьми-девяти, а иногда и с семи лет. Исключительно занятием детей была перемотка нитей на шпули и цевки (цевочники работали при ткачах, шпульники при сновальщиках). На бумажной мануфактуре дети вместе с женщинами разбирали тряпье и выполняли несложные операции по отделке бумаги, например, «раздували» (отделяли друг от друга) листы пропитанной клеем бумаги.

Условия жизни рабочих людей ярко характеризует одно из писем приказчика. В 1781 г. крестьяне гончаровского села Мугреева наняли для отработки на фабрике вместо себя посторонних людей. Последние сожалели о сделке. Приказчик писал А. А. Гончарову об этом факте в 1782 г. следующее: «В прошлом лете были опыты, что мугреевские штрафные нанимали сторонних с Ильина дня по Дмитриеву субботу (с 2 августа до 19 октября ст. ст.— *Е. Р.*) платя по 18 рублей, то по присмотру, «как есть у нас, раскаивались, что такую низкую цену взяли и наверное доношу, что под наш присмотр 40 руб. никто не возьмет»⁸⁶. Представитель администрации, прекрасно знакомый с условиями работы на «фабрике», объективно оценил «фабричный присмотр» — жестокую эксплуатацию и суровый крепостнический режим. Сочетание приемов феодальной и капиталистической эксплуатации: денежные штрафы и обсчеты, суровые телесные наказания и произвольные переводы на тяжелые бесплатные или низко оплачиваемые работы — вызывали усиленный классовый протест рабочих людей.

* * *

Формы протеста рабочих были различными, начиная от бегства и кончая организованным вооруженным выступлением.

Рабочие люди бежали с «фабрик» на протяжении всей второй половины XVIII в. Д. И. Малинин установил, что бежавшие составляли 5,5—8,8% от общего количества убылых⁸⁷. Документы архива Гончаровых свидетельствуют о неполноте этих сведений. Между III и IV ревизиями (60—80-е годы XVIII в.) согласно сведениям сказок, которые обработал Д. И. Малинин, бежало 101 человек. Только с 1763 по 1778 г. бежало согласно поименному списку 144 человека⁸⁸. Особенно интенсивным бегство было во время, близкое к крестьянской войне. За десять лет с 1763 по 1772 г. бежало 59 человек, за шесть лет с 1772 по 1778 г. — 85 человек⁸⁹.

Характерной чертой бегства фабричных был уход с «фабрики» группами. Большое количество явочных прошений (заявок о побеге) сообщает о нескольких одновременно бежавших рабочих⁹⁰. Многие беглые вновь возвращались на мануфактуру Гончарова. Причину возвратов проясняет рассказ одного из вернувшихся беглых. В августе 1751 г. с «фабрики», сговорившись, бежали трое рабочих. По возвращении, один из них,

⁸⁴ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 401 (см. «Брянские»).

⁸⁵ Там же, оп. 3, д. 13, лл. 135 об.—136.

⁸⁶ Там же, д. 1141, лл. 4—5 (разрядка моя. — *Е. Р.*).

⁸⁷ Д. И. Малинин. Указ. соч., стр. 38—41.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 3, д. 13, лл. 161—163.

⁸⁹ Там же, л. 160.

⁹⁰ Там же, оп. 1, д. 86; оп. 3, д. 13.

Афанасий Кузьмич Осокин на допросе безыскусно, но талантливо и ярко нарисовал картину побега и осветил жизнь человека в бегах. Осокин рассказал: «В прошлом лете в августе месяце, а в котором числе не упомню приходя к нему оной же фабрики фабричной Федор Калугин в ткацкой светлице говорил ему, что де колодник Прокофей сын Леонтьев Коровайкин (гончаровский фабричный, посаженный под караул за побег.— *Е. Р.*), который содержится в палатке, сделанной под крыльцом, подговаривал меня к побегу, и ежели бы его оттуда высвободить, то обещал сыскать место к житью способное, и ежели де хочешь с нами бежать — пойдём...»

Причина побега объяснена исчерпывающе: рабочие бегут искать «место к житью способное».

Освободив Коровайкина, товарищи сбили с него кандалы и направились на соседний Шанский завод Мосолова, «...где нас,— сообщил Осокин,— приказчик его, Мосолова не принял». С этого момента начались мытарства беспаспортных беглых. От Мосолова трое фабричных Гончарова пошли в Боровск, «...чтоб у имеющегося там фабриканта Елизарова, ежели примет, ткать полотна...». В деревне Пироговой рабочие стали проситься ночевать. Староста деревни, узнав в беспаспортных рабочих беглых, хотел «перевязать» их. Они укрылись в лесу. Потеряв Коровайкина, Калугин и Осокин отправились на поиски работы. Они побывали в Рузском уезде у «фабриканта» Савина, приказчик и здесь не принял беспаспортных. Работу беглые нашли в Москве. На Бутырьках, где рыли пруды, на работу их приняли, как указал Осокин, рабочие люди. Здесь гончаровские беглые работали «чрез всю зиму, а жили в шалашах при тех прудах». Но и эта работа была временной. Беглые пошли дальше и брались за всякую работу: «нанимались временем у каменщиков, которые работали во дворце, что в Кремле и в прочих и иных местах, где случится, а ночевать хажевали на Москва-реку в пустые струга». Претерпев такие мытарства около двух лет, Осокин стал звать Калугина «идти и явиться господину Афанасию Абрамовичу, только оный со мною не пошел». Оставшись один, Осокин тоже не сразу осуществил свое решение вернуться. Он пошел дальше и «нанялся у работников таскать из воды лес на берег... и работал тут месяца четыре в разных местах, а ночевал на плотках и в шалашах». Такая жизнь окончательно измучила беглого, и он «впришед на двор (московский.— *Е. Р.*) Афанасия Абрамовича, явился...». Там его приказчик «сковал и прислал на полотняную и бумажную фабрику»⁹¹. Так завершились поиски «места к житью способного». Вернувшегося ждало суровое наказание плетьюми, но он имел возможность легализовать свое положение и жить в семье.

Рассказ Осокина свидетельствует о том, что в среде рабочих людей того времени существовала определенная солидарность и стремление помочь человеку своего круга. Во всех случаях, когда беглым удавалось найти работу, они получали ее от рабочих людей (на копке прудов, у каменщиков, в лесном ряду). Приказчики, старосты и владельцы не принимали и преследовали беспаспортных беглых.

Наивысшей точки протест рабочих людей достиг в 1752 г. События 1752 г. на мануфактуре Гончаровых освещены в литературе⁹². Поэтому в статье изложено только то, что устанавливается на основании изучения неиспользованных материалов. В частности, документы архива позволяют внести уточнения по вопросу о причине движения. Вспышка протеста в начале 50-х годов XVIII в. явилась логическим завершением сложившегося на мануфактуре положения. В 1739 г. А. А. Гончаров получил рабочих в свое полное распоряжение. В качестве полновластного хозяина он имел возможность усилить эксплуатацию своих крепостных рабочих. Результатом явилась небывало высокая выработка полотняной мануфактуры. С 1743 по 1750 г. количество вытканного полотна увеличилось почти вдвое (с 4 200 до 8 364 кусков)⁹³. Количество рабочих на обеих мануфактурах за тот же период возросло только на 28%. Рекордной явилась выработка 1751 г. (непосредственно накануне волнений) — 8 527 кусков⁹⁴. При этом

⁹¹ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 86, лл. 152об — 153об.

⁹² Д. И. М а л и н и н. Указ. соч., стр. 18—21; В. А. Б у х и н а. Волнения рабочих людей на Малоярославской фабрике. «История пролетариата СССР», 1933, № 2, стр. 167—174; «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке», предисл., стр. 1—XXIV; «Очерки истории СССР. Вторая половина XVIII в.», М., 1956, стр. 187—189.

⁹³ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 72, 87.

⁹⁴ Т а м ж е, ф. 248, оп. 16, кн. 946, л. 1712об.

следует учитывать, что в том же году имел место пожар на полотняной мануфактуре. Вероятно, стремление наверстать упущенное в связи с пожаром привело к усиленному нажиму на работников полотняной мануфактуры. Немаловажно и то обстоятельство, что полотняников было значительно больше, чем бумажников. В 1750 г. на полотняной мануфактуре работало 1913 человек, на бумажной всего 470. В начале движения полотняники были активнее бумажников. Челобитная, составленная фабричными в марте 1752 г., перечисляет притеснения, чинимые людям полотняной «фабрики» (обсчеты прядильщиц, ткачей, чесальщиков) и совершенно не упоминает о специфических требованиях рабочих-бумажников. Лишь позднее, в июне, в объяснении, поданном работными бригадиром Хомякову, перечень притеснений был дополнен. Тогда работные жаловались на снижение расценок и по бумажной мануфактуре (шкепорам, кучерам, сукманщикам)⁹⁵. Активные руководители волнений Иван Соловьев, Иван Моисеев, А. Хряпкин, Захар Кувяткин были работниками полотняной мануфактуры. Приведенные факты дают основание заключить, что волнения 1752 г. связаны в первую очередь с усиленной эксплуатацией на полотняной мануфактуре.

В. А. Бухина, посвятившая волнениям 1752 г. на гончаровской мануфактуре специальную статью, целиком связывает начало движения со срочным заказом на изготовление бумаги для кабинета императрицы⁹⁶. Однако изучение экономики мануфактуры в 50-х годах приводит к выводу, что этот заказ являлся лишь дополнительным обстоятельством, приведшим к началу движения. В целом нажим на бумажников в это время, вероятно, был несколько слабее. На бумажной мануфактуре, в отличие от полотняной, в 40-х годах XVIII в. не наблюдается резкого увеличения выработки. 400 стоп бумаги, которые необходимо было изготовить срочно — сравнительно не очень большое здание (в год бумажная «фабрика» выдавала 20—25 тыс. стоп).

Другим, не освещенным в литературе фактом, является характеристика волнений 1752 г., данная современниками-очевидцами. Малоярославецкий воевода Хвоцинский и секретарь Мануфактур-коллегии С. Неронов, присланные на «фабрику» для усмирения работных, писали: «Оные люди против крестьян со многим преимуществом к дракам весьма склонны»⁹⁷. Это заключение имеет особый интерес, так как оно сделано людьми, которые имели возможность наблюдать крестьянские движения в широком масштабе.

В последующий период существования мануфактуры не было выступлений работных людей, равных по силе возмущению 1752 г. События 1752 г. заставили владельцев мануфактуры впредь больше считаться с настроениями работных. Выработка полотна никогда не достигала уровня 1751 г. Даже в 70-х годах, наиболее благоприятных для сбыта продукции и поступления сырья, на мануфактуре изготовлялось ежегодно не более 7 тыс. кусков полотна. Следствием волнений 1752 г. явилась повышенная настроенность Гончаровых. Они зорко наблюдали за настроениями работных, предупреждали и пресекали всякую попытку объединения. Особенно это проявилось в период острой классово-войсковой борьбы в стране — накануне и во время крестьянской войны 1773—1775 гг. Косвенным, но ярким свидетельством настроений гончаровских работных людей во время крестьянской войны являются репрессии: аресты, усиленная отдача в рекруты, ссылка на поселение в Сибирь. В 1768—1773 гг. в Сибирь было сослано 70 человек⁹⁸. В 1773 г. содержался под караулом 31 человек, среди которых имелись и женщины⁹⁹.

Настроение работных и настороженность Гончарова в начале 70-х годов характеризуют два приказа 1773 г. Один из них от 13 июля запрещал свободное общение работных: «ткач на бумажную ходить не должен, а буде до кого кому какая надобность объявить в той команде», ночью работные обязаны были ходить на работу только «мимо караулу и сказываться именем и прозвищем..., кто против сего поступит другою дорогою пойдет, за первую вину, за неделю жалование за вторую вдвое». Приказ запрещал пускать на «фабрику» и в слободы посторонних людей и рег-

⁹⁵ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке», стр. 51.

⁹⁶ В. А. Бухина. Волнения работных людей на Малоярославецкой фабрике, стр. 169.

⁹⁷ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке», стр. 39.

⁹⁸ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 3, д. 13, лл. 26, 28, 37, 76 и др.

⁹⁹ Там же, оп. 1, д. 687.

ламентировал личную жизнь работных¹⁰⁰. Цель приказа — разобщить работных, изолировать их от внешних влияний, строго контролировать всю их жизнь, и тем самым предупредить объединение, которого особенно боялись, памятуя 1752 г. Второй приказ 1773 г. от 16 ноября был еще суровее. Приказ повелевал «чтоб ночью никто по улицам не шатался, а когда на работу пойдет, то б шел от своего дома прямо к своей работе, а когда окликан будет часовым или обходом, должен отвечать именем и отчеством и куда идет, в противном случае за неотчет или не в пристойном месте не в указанном часу брать под караул и записывать в подозрительную книгу... шатающихся по улицам ловить и приводить в контору...»¹⁰¹. Обстановка на «фабрике» в период крестьянской войны под руководством Пугачева напоминает режим военного лагеря: за работными наблюдали часовые караулы, дозоры и обходы. В то время как владелец мануфактуры и власти, опасаясь прихода Пугачева, принимали меры предосторожности¹⁰², — работные люди ожидали его с надеждой¹⁰³.

Новый подъем классовой борьбы относится к последнему периоду существования мануфактуры. Он связан с сильным стремлением работных людей освободиться от посессионного состояния. В 1845 г. Д. И. Гончаров сообщал о том, что посессионные крестьяне принадлежавших к «фабрике» сел Товарково и Слободки «возымели преступное намерение на своевольное получение свободы от помещичьей власти»¹⁰⁴. Два пожара «фабрики» в августе и сентябре того же года Гончаров квалифицировал как поджоги. «Фабричные считают,— писал он,— что с прекращением действия фабрик дарована будет им свобода»¹⁰⁵. В этих условиях Д. Н. Гончаров просил о расширении полицейских прав владельца мануфактуры с тем, «чтобы искоренить разрушительный дух вольности» и уволить работных людей. Увольнение совершилось в два приема. В 1845 г. были отпущены 682 человека, остальных 823 освободили на основании указа 27 мая 1863 г.

Основная причина исключения мануфактуры из разряда посессионных коренилась в нерентабельности ее экономического строя. Владелец мануфактуры в 1844 г. просил уволить людей для того, чтобы завести машину¹⁰⁶.

* * *

Рассмотренный материал дает основание считать эксплуатацию работных людей на мануфактуре Гончаровых феодальной. Характер рабочей силы определил собой экономический строй мануфактуры, остававшийся на протяжении всего рассматриваемого периода феодальным. Существовая в условиях созревания капиталистических отношений, феодальное предпринимательство воспринимало новые черты. Таковы: потомственная работа на промышленном предприятии, денежная оплата, как основа существования, определенная рабочая квалификация и пр. Проходя сквозь призму феодальных отношений, эти новые черты утрачивали свой специфически капиталистический характер. Так, например, определенным своеобразием отличалось разделение труда на мануфактуре Гончаровых, сделанная оплата труда в значительной мере искажалась различными отклонениями.

Конкретные факты развития мануфактуры Гончаровых опровергают концепцию авторов, отождествляющих посессионную мануфактуру с капиталистической, давая основание определить экономический строй рассматриваемой формы промышленности, как феодальный.

Мануфактура Гончаровых подготовила кадры промышленных рабочих. Однако в XVIII в. роль посессионной мануфактуры в развитии капиталистических отношений была ограничена, так как ее кадры не включались в рынок рабочей силы. Иное положение сложилось в 40—60-х годах XIX в., когда освобожденные работники стали продавцами своей рабочей силы и влились в состав пролетариата.

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 3, д. 13, лл. 77—77об.

¹⁰¹ Там же, л. 92.

¹⁰² В июне 1774 г. в Малоярославецком уезде было приказано починить дороги, расчистить по обочинам леса «в указанной препорции» расставить вооруженные пикеты, «дабы де ворами и разбойникам по близости дорог укрываться было не можно» (там же, л. 110).

¹⁰³ Д. И. М а л и н н и н. Указ. соч., стр. 23—24.

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 1, д. 2278, л. 176.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Ч. Г. Володарская. Кризис и ликвидация посессионной мануфактуры, канд. дисс., ЛГУ, 1946, стр. 98.

